

Евразийская философия государства и права

Суслонов Павел Евгеньевич,
начальник кафедры гуманитарных и социальных
дисциплин Уральского юридического института МВД
России, кандидат философских наук, доцент
e-mail: dr.suslonow2010@yandex.ru

В статье проводится теоретическое исследование евразийства как системы социально-философских и политических воззрений, выросших целиком на почве отечественной культуры. Рассматриваются концептуальные основы политико-правового учения евразийских мыслителей. Определяются философско-правовые понятия, описывающие евразийское понимание сущности права, государственного строительства и политического существования народов, специфику политики и права евразийской цивилизации.

Ключевые слова: евразийство; философия права; цивилизация; идеократия; политика.

Euro-Asian Philosophy of State and Law

Suslonov Pavel Evgenyevich,
Head of the chair of Humanitarian and Social Disciplines
of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal
Affairs of Russia, Candidate of philosophical sciences,
associate professor

In the article theoretical research of Eurasianism as a system of social-philosophical and political opinions are grown entirely on the ground of national culture. Discusses the conceptual foundations of political and legal teachings of the Eurasian thinkers. Defined legal philosophical concepts that describe the Eurasian understanding of the essence of law, state-building and political existence of peoples, and specific features of politics and law of the Eurasian civilization.

Key words: eurasianism; legal philosophy; civilization; ideocracy; politics.

Современное политическое бытие России характеризуется явным идейно-мировоззренческим дефицитом. На протяжении последнего десятилетия власть и общество неоднократно ставили перед собой задачу создания новой идеологии, поиска национальной идеи. Данная задача весьма сложна в силу ограниченного числа известных политических идей. Политическая идеология не создается в одночасье, а является результатом длительного органического развития общества и культуры. Поэтому представляется весьма важным теоретически исследовать евразийство – систему социально-философских и политических воззрений, выросших целиком на почве отечественной культуры.

Определение России как уникальной страны и государства, соединяющего Европу и Азию, Восток и Запад, и не только в географическом, но и в экономическом, политическом и духовном смыслах все чаще звучит из уст современных российских политиков. Появляются и выходят на политическую арену партии и движения, объявляющие стержнем своей идеологии евразийство. Далеко не все из этих политиков глубоко понимают суть евразийства как политической теории и практики. Это порождает мысль о практической востребованности известных концепций почти что 90-летней давности. Для любой системы теоретических взглядов всегда существует опасность ее упрощения и односто-

ронного понимания, поэтому представляется весьма актуальным вычленив политическую составляющую евразийского учения, показать его мировоззренческие и идеологические корни, понять логику и методологию евразийского отношения к политическим процессам, феноменам права и государства. Все это заставляет обратиться к исследованию, прежде всего, теоретико-методологических аспектов социально-философских и политических концепций евразийцев 20-40-х гг. прошлого века.

Проблема теоретического осмысления различных аспектов евразийского учения становится весьма актуальной с конца 80-х гг. прошлого столетия. На протяжении предшествующих нескольких десятилетий изучение евразийства оставалось уделом очень узкой группы историков, рассматривающих предмет своего исследования критически, исходя из установок официальной советской идеологии. И только на исходе перестройки, благодаря деятельности «последнего евразийца» Льва Николаевича Гумилева, происходит возрождение этой почти забытой концепции. Но возрождается евразийство не столько как академическая историософская теория, сколько как идейно-теоретический ответ на глобальные изменения геополитического положения России на рубеже тысячелетий. Отдельными исследователями отмечается, что евразийство «реабилитиру-

ется» одновременно с геополитикой, то есть цивилизационной парадигмой осмысления всемирной истории. Связь данной парадигмы и евразийства подтверждается и «от обратного», то есть резкой критической реакцией на последнее со стороны либерально-прозападного лагеря. Газета «Русская мысль», журнал «Посев», историк-эмигрант А. Янов объявляют евразийство «имперской идеологической установкой, характерной для выродившегося славянофильства, фундаментом коричневой идеологии» [1]. Реальные геополитики Запада, такие как Збигнев Бжезинский или Струоб Тэлбот, более сдержанны в словах, но и они дают понять о недозволённости России иметь собственную геополитическую концепцию. Бжезинский прямо заявлял, что если Россия будет оставаться евразийским государством, будет преследовать евразийские цели, то останется империей, а имперские тенденции надо будет изолировать; заместитель госсекретаря США Струоб Тэлбот требовал от России «не повторять путь Александра Невского» [1].

Вышеназванная точка зрения далеко выходит за рамки политики и имеет под собой реальное позитивное основание. Л. Н. Гумилев, уникальный отечественный ученый, историк, географ и этнограф, соединивший в своем лице и аутентичного евразийца, и неоевразийца, и исследователя евразийства, подвел мощную научную базу под утверждение, что Евразия является естественным географическим окружением для особого русского этноса вследствие исторического симбиоза русского и нерусских народов – обитателей степей, который в результате привел к возникновению уникальной евразийской культуры и духовной самобытности. Гумилев предупреждал, что адаптация к Западу грозит русскому народу потерей своего этноса и души [2, с. 112].

Культурная и цивилизационная специфика России предполагает и особую природу ее государственности – Московское царство является не продолжением Киевской Руси (которая шла по европейскому пути развития), но империи Чингисхана и Золотой Орды. Именно Золотая Орда, по мнению идеологов евразийства, собрала в свое время в единое целое русские и восточнославянские земли, и цель Российской империи и СССР – сохранить и укрепить их единство. Этим предопределяются и основные государственные задачи: всеми средствами сохранять территориальную целостность Евразии, оберегать евразийскую культуру и национализм. Для их решения государство обязано быть идеократическим и жестко централизованным, строиться «сверху вниз» и контролировать всю жизнь общества, то есть управлять, планировать, координировать, давать указания. Под стать этому и другие черты «евразийской модели»: власть должна находиться в руках выражающей «культуру и дух» народа элиты, господствующая идеология не может подвергаться сомнению, партии и разделение властей «во имя единства общества» должны быть упразднены, а экономика в значительной степени огосударствлена. С этих позиций оценивали евразийцы и историческую роль большевизма. Несмотря на свое марксистско-интернационалистское происхождение, последний в интересах самосохранения и под влиянием «естественных процессов» должен был перейти к защите интересов Евразии.

Общая методология евразийского понимания права и государства как частей культуры может быть выражена словами из работы евразийца Н. Н. Трубецкого «Европа и человечество»: «Европа отождествила свою политическую, ценностную, философскую, идеологическую и правовую систему с универсальной системой. Свой исторический путь она определила как путь общеобязательный для всех сегментов человечества. И отождествление своего исторически и географически локального положения со всеобщим является основой того, что мы называем Западом» [3]. Мы далеки от того, чтобы давать оценки конкретным проявлениям этой установки западного мышления в политической истории и современности. Но вместе с тем необходимо отметить эту специфическую особенность западной ментальности: предлагать себя в качестве универсального критерия развития человечества, некоего магистрального пути политико-правового и культурного развития всех остальных народов и цивилизаций планеты. Ярче всего это проявляется в понимании государства и права: под формой государства имеется в виду либеральная демократия западного образца, под правом – западная правовая система, своими корнями уходящая в римское право. Данная установка находится в глубоком противоречии с евразийскими принципами дифференциализма и плюрализма. Существует много культур, много цивилизаций, много ценностных систем. Западная – великая культура и цивилизация, но она лишь одна из многих. Ее можно принимать, можно и не принимать, но никто не имеет права провозглашать ее универсальной, единственной и общеобязательной. Евразийцы считали, что параллельно с западноевропейской правовой культурой могут и должны существовать иные правовые системы, основанные на культурных принципах той цивилизации, которой они принадлежат. Данный постулат евразийского учения о государстве и праве не оригинален и был создан до и параллельно с творчеством евразийцев.

Учение о политической власти, государстве и праве не выделялось столь ярко как прочие составляющие евразийства, но вместе с тем нельзя сказать, что они были не разработаны или не представляли ничего оригинального и значимого. Данный компонент евразийства являет собой фундамент, стержень, который придает всему направлению характер идеологии, закономерной мировоззренческой системы, которая может быть востребована последующим поколением политиков. Без этого стержня евразийство принимает размытый характер некой популярной исторической версии, полной противоречий и парадоксов. Поэтому представляется весьма важным проанализировать и выразить государственный и политико-правовой аспект соответствующим (политологическим и юридическим) языком, показать стройность и формализованность данной теории, а также ввести соответствующие евразийству термины, понятия и категории в области политической и правовой науки. Это позволит актуализировать евразийство, то есть сделать его материалом и средством выстраивания современных политических идеологий и технологий, возможной методологией понимания и изучения современных политических процессов и явлений.

Из всех «самых евразийских» мыслителей собственно политико-правовые проблемы разрабатывали в теоретическом, а не публицистическом плане меньшинство, и даже среди этого меньшинства соответствующий вектор далеко не для всех был определяющим. В данной работе мы затрагиваем взгляды евразийцев, для которых концепции политической власти, государства и права, публичной политики были магистральными, ключевыми темами их творчества. В этом ряду можно назвать, прежде всего, Н. Н. Алексеева, а также П. Н. Савицкого, Л. П. Карсавина и некоторых других.

Н. Н. Алексеев, как и прочие евразийцы, был критично настроен по отношению к политике и праву современного ему Запада, прежде всего европейских стран, и по отношению к советской России и происходившим там революционным событиям. Но, в отличие от многих других, Алексеев не торопился с собственными политическими оценками и выводами, а стремился к созданию новой методологии государствоведения, к осознанию значения государства для сверхзадачи евразийского движения: «Из числа еще не вполне выраженных вопросов нужно прежде всего назвать вопрос о нашем собственном существе, как организованной группы, и о нашем месте в государстве» [4, с. 161]. Прекрасно понимая утопичность скорого появления евразийского государства, Алексеев стремился вооружить своих единомышленников и сторонников (современных и будущих) методологией понимания государства, тем самым создав «евразийскую философию государства и права».

В существующих государственно-правовых теориях господствует радикальный европоцентризм, отождествляющий государство и право вообще с западноевропейской версией государства и права. Это не отрицание западных государственно-правовых ценностей, а именно указание на их ограниченность, неспособность западных теоретиков государства и права увидеть всю полноту исследуемых ими феноменов.

Как следствие, необходимо избегать применения искусственно созданных теорий, отвлеченных от реальной народной жизни схем, к чему так тяготеют современные западные мыслители-обществоведы.

Главной задачей евразийцев, с точки зрения Н. Н. Алексеева, было построение политико-правовой системы, основанной на глубинных, почвенных, ментальных представлениях о справедливости. Мнение отечественных «западников» о том, что русский народ является отсталым, имеющим неразвитую правовую систему, является в корне ошибочным. Правосознание русского народа иное, нежели у западных народов. Евразийцы признавали выдающуюся ценность западноевропейской политико-правовой системы, восходящей к римскому праву, но полагали, что параллельно должны существовать другие системы.

Европейское понимание государства и права, европейское правосознание несут на себе неизгладимый след европейской ментальности. В философии права для обозначения и описания этого явления существует теория «номократии» – «всевластия закона». В данном случае под законом понимается некая рационально созданная и понятая норма. В этом выражена логика западного позитивистского рационалистического созна-

ния. В конце концов западный рационализм со времен Просвещения и до Канта стремился к созданию единой рациональной правовой системы, которая воспроизводила бы глубинную структуру рассудка, законы его функционирования. И. Кант исследовал «чистый разум», и его подход к праву как раз и заключался в отыскании метафизических рациональных оснований последнего. Именно Канту принадлежит идея отождествления идеальной рациональной структуры (модели) с реальной правовой системой. Эта идея является основой западноевропейского правового универсализма, имманентного западноевропейской правовой культуре.

«Номократия» есть феномен духовной культуры Запада, далеко выходящий за рамки собственно юридической сферы. Это выражается в стремлении поставить право над всеми остальными сферами общественной жизни, придавая ему абсолютный характер. На практике это приводит к появлению «правового государства», в котором при разделении властей приоритет все же отдается судебной власти, то есть праву, которое ограничивает формирование и деятельность исполнительной и законодательной ветвей. При такой модели просто невозможно появление во власти внеправовых элементов. Но в этом, на взгляд К. Шмита и Н. Н. Алексеева, заключено серьезное противоречие. Право, выводимое из рассудка, имеет механистический характер и рассматривает типичные ситуации. Но социальная жизнь гораздо более многообразна и непредсказуема, чем юридические дескрипции. Власть постоянно сталкивается с ситуациями, которые заранее не определены, юридически не предсказуемы. Такой поход отрицает возможность спонтанного течения событий, когда исход казалось бы предсказуемого процесса может изменить вмешательство случайных факторов.

Политика и право в России рассматривались евразийцами как автономная система, имманентная духовно-религиозным и социальным условиям бытия русского народа. Русское право является своеобразной квинтэссенцией русской истории, культуры и мировоззрения.

Резонно было бы поставить вопрос о генезисе этой системы.

Самый простой ответ очевиден: Русь была крещена Византией, поэтому влияние имело византийское право. Но византийское право – это рецепция римского права, причем очень искаженная, поскольку в Восточной Европе как ареале Византии было много отступлений от римских правовых принципов. Например, неразвитость в правосознании идеи «священного права частной собственности на землю».

Христианизированная версия римского права на Руси легла на архаическое понимание права, что, собственно, и породило феномен русского права, о возможности и сущности которого писал главный евразийский философ права Н. Н. Алексеев.

Ведущим отличием правосознания русского и западного является различное понимание основополагающих философско-правовых категорий «право» (в субъективном смысле) и «обязанность». В западном обществе обязанность рассматривалась как нечто условное, как результат уступки давлению. Люди уста-

навливают государство, которое их обязывает, но и они обязывают государство и друг друга. В западном правопонимании государство – это совместное предприятие, созданное независимыми предпринимателями как своеобразными социальными «атомами». У людей с такой психологией не подвержена сомнению только одна обязанность: мы обязаны не посягать друг на друга, не тронь меня – и я не трону тебя, «живи – и жить давай другим». Отсюда следует известный образ государства как «ночного сторожа», ограждающего от крайних форм частнособственнической экспансии. Государство и право при таком подходе не обладают абсолютной ценностью, и в идеальной ситуации они вообще должны исчезнуть, если только индивидуальные предприниматели будут уважать права друг друга.

По Алексееву, идеократическое государство является одновременно и так называемым «демотическим» государством. Демотическое государство построено на «народных основах», но не в смысле механистического западного «народного» суверенитета, а как «организованный» и «органический» народный суверенитет, носящий государственно-идеологический и надклассовый характер. Западная демократия сложилась в специфических условиях древних Афин и, через много веков, островной Англии. Эта демократия отражает специфические характеристики европейского «месторазвития». Эта «демократия» не является универсальным мериллом. Иные «месторазвития» предполагают иные формы соучастия народов в политическом управлении; все они различаются как по формальным, так и по сущностным признакам. Для России – Евразии копирование норм европейской «либеральной демократии» бессмысленно, невозможно и вредно. Соучастие народа России в политическом управлении должно называться иным термином – «демотия» (греч. *демос* – народ). Это соучастие не отвергает иерархии, не должно быть формализовано в партийно-парламентских структурах. «Демотия» предполагает систему земских советов, уездных и национальных (в случае малых народов) представительств. «Демотия» развивается на основах общинного самоуправления, крестьянского «мира». Пример «демотии» — выборность настоятеля церкви прихожанами в Московской Руси. Если «демократия» формально противоположна автократии, то «евразийская демотия» вполне может сочетаться с «евразийским авторитаризмом».

Генезис концепции евразийского государства Н. Н. Алексева можно найти в идеях Платона, для которого вопрос об образовании правящего слоя в государстве был самым основным и важным вопросом. Н. Н. Алексеев полагал: «Без образования некоторой “элиты” не может существовать никакое нормальное общество и что, следовательно, проблема ее воспитания заслуживает самого серьезного обсуждения» [5, с. 588]. Ведущий слой призван организовать культуру в ее различных направлениях, но под такой организацией, по мысли Алексева, «следует понимать единство внутреннего убеждения в истине, а не внешнюю регламентацию духовной жизни, не принудительную нивелировку ее идейного богатства. Осуществить эту последнюю задачу ведущий слой способен только тогда, когда он сам, в своей собственной структуре во-

плотит принципы высшего духовного общения, когда он будет представлять собою нечто вроде духовного ордена, который призван водить морально, а не насильственно» [5, с. 589]. Такой правящий слой возможен там, где на место многих партий становится единая ведущая организация. А это, в свою очередь, возможно только при условии, что духовные искания человечества стабилизировались и что, соответственно, стабилизировалось общественное мнение. «Такое состояние очень далеко от современной стадии развития европейской культуры, духовная жизнь которой протекает в атмосфере бурных исканий истины, блужданий в погоне за ней и некоторого идейного разброда. Поэтому современные государства очень далеко стоят от стадии государственного совершенства. Ведущий слой в них типично разбит на несколько враждебных групп, объединенных или тождеством эгоистических интересов, или сходством образа мыслей (сходством миросозерцаний), или тем и другим вместе. При таком положении проблема власти в современном государстве разрешима двумя путями: или путем чередования тех или других групп во властвовании, или путем насильственного подавления одних групп другими. Первый есть путь современной демократии, второй – путь современных диктатур» [5, с. 590]. Ни тот, ни другой вариант не устраивает Алексева. Он пытается сконструировать идеальный государственный строй, путь к которому лежит между либеральной демократией и насильственной диктатурой.

К чему же сводится идея государства, рассмотренная Н. Н. Алексеевым сквозь призму двухтысячелетней истории западной политической мысли? По мнению ученого, ничего принципиально нового современная Европа в области политических форм не изобрела. История убеждает в непрерывающейся преемственности европейских политических идей, которую можно проследить, начиная с истоков древнегреческой культуры и кончая серединой XIX в. То же относится и к выработанным формам властвования, среди которых выделились идеал единовластия и единоначалия, идеал многовластия и многоначалия немногих избранных и лучших и идеал народоправства, как в его ограниченной форме (древняя демократия), так и в новых, эгалитарных формах, как власти всех и каждого над всеми и каждым. «Этим трем основным идеальным схемам властвования издревле противостоит четвертая – идеал “смешанной” или “умеренной” формы государственного устройства или конституционного государства» [6, с. 275–276].

Синонимом идеократического государства впоследствии у Алексева выступает гарантийное государство. Такое государство не стремится внушить свое мировоззрение гражданам насильно. Оно обеспечивает проведение в жизнь некоторых положительных социальных принципов и социально-политических программ, которые могут рассчитывать на признание со стороны людей с самыми разными взглядами. Гарантийное государство стремится формировать общественное мнение известной культурно-исторической эпохи. В отличие от тоталитарного, оно построено на общественном признании, а не на исповедании. Алексеев стремится отмежеваться от тех «лже-идеократий», которые победили в Центральной Европе и России.

В гарантийном государстве в идеале физическое приращение должно быть исключено из арсенала средств государственного воздействия, поскольку отношения властвующих и управляемых покоятся на духовной основе. Представителей ведущего слоя Алексеев именует гарантами осуществления государственной миссии; евразийское государство может быть названо «демократической идеократией» или «идеократической демократией». Демократические средства (в частности выборы) есть только средства упрочения демократического порядка. Там, где они впадают в конфликт с идеей демократии, они становятся непригодными и отменяются. Принцип большинства – принцип чисто технический и относительный. Воистину суверенной является лишь основная государственная идея; «общая воля не творец, но только орган восприятия идеи». Народ и идея неразделимы. Идея нема без народа, народ без идеи слеп.

Н. Н. Алексеев заложил основу «евразийского права», той юриспруденции, которая должна была, согласно евразийским чаяниям, сменить советскую юриспруденцию после неизбежного краха коммунистического правления, но при этом сохранить всю полноту идеократического, глубокого национального пафоса большевизма, рассматриваемого евразийцами как доминирующая национальная черта русского народа.

Критически оценивая процессы, происходившие в политико-правовой системе современного ему западноевропейского общества, переосмысливая опыт революционных событий в России, Н. Н. Алексеев пришел к выводу о необходимости пересмотра прежнего государствоведения и создания «новой» теории государства. По его мнению, этот пересмотр должен начинаться с методологии государствоведения. Суть своих требований к ней он выразил в следующих постулатах:

а) наука о государстве должна освободиться от засилья в ней юридиклизма, общая теория государства должна перестать отождествлять себя с общей теорией государственного права;

б) формальным условием такого освобождения является преодоление европейского эгоцентризма в теории государства; привлечение в орбиту своих исследований всех возможных типов государств различных культур поможет современной теории государства увидеть в изучаемых явлениях такие стороны, усмотрение которых сокрыто для европейских государствоведов, воспитанных в условиях утраты человеком чувства реальности государства;

в) по существу же своих научных задач теория государства должна остерегаться применения каких-либо искусственно сконструированных, надуманных теорий, к которым так склонно современное учение о государстве. Государство должно быть взято во всей его богатейшей природе как непосредственный предмет умственного созерцания. Теория государства должна пережить конкретную целостность государства во всем богатстве ее живых проявлений, погрузиться в логику самой государственной жизни и почувствовать в ней истинно существующее в отличие от случайного.

В понимании государства Н. Н. Алексеев следовал учению «органической» школы в государствоведении, согласно которой государство не механическая со-

вокупность отвлеченных граждан, но живая целостность; государство не отвлеченный субъект права и не совокупность юридических норм, но конкретная форма жизни; государство не придаток правопорядка, но развитие витального принципа самосохранения и развития, реальная необходимость, требуемая самой жизнью. В соответствии с таким пониманием государства он определял данное явление как один из видов «историко-организованных обществ», подчеркивая, что властно-управленческая государственная структура выступает лишь как «государственный аппарат».

Теоретико-методологические представления о государстве стали для Н. Н. Алексеева основой разработки государственно-правового учения евразийства.

Для решения сложных задач общественной жизни необходимо хорошо организованное государство, обладающее сильной властью. Власть формируется путем специального отбора правящего слоя из народа и потому способна выражать его интересы и представлять его идеалы. Связующим звеном между правящей элитой и народом выступают общее мировоззрение и единая идеология. Государство подобного типа Н. Н. Алексеев определял как идеократическое. По мнению ученого, государство есть важнейший фактор в развитии нации – своего рода ее стержень. Нации становятся самими собою только тогда, когда превращаются в государства: нация, не будучи государством, не может быть нацией. Нация, в понимании Н. Н. Алексеева, есть не что иное, как «огосударствленный» народ [7, с. 89–92].

В качестве вывода следует отметить, что изучение политико-правовых воззрений евразийства не может быть ограничено только строго академическими рамками. Предмет нашего исследования является необходимой теоретической базой и методологической основой разработки и применения в новых условиях «хорошо забытой старой» новой евразийской идеологии. В условиях политической многополярности и полиэтничности евразийство может быть востребовано как в российском, так и в мировом масштабах.

Список литературы

1. Лавров С. Б. Евразийство: современность концепции / С. Б. Лавров. – URL: <http://www.kulichki.com/~gumilev/LSB/lsb2004.htm> (дата обращения: 02.12.2013).
2. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев. – Л., 1990.
3. Трубецкой Н. Н. Европа и человечество / Н. Н. Трубецкой. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/vehinsteve.htm> (дата обращения: 02.12.2013).
4. Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство / Н. Н. Алексеев // Россия между Европой и Азией: Евразийский сблaзн. – М.: Наука, 1993.
5. Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Н. Н. Алексеев. Русский народ и государство. – М., 1998.
6. Алексеев Н. Н. Идея государства / Н. Н. Алексеев. – Нью-Йорк, 1955.
7. Ватиль В. Н. Политическая мысль России. Творческий портрет Н. Н. Алексеева / В. Н. Ватиль // Вестник Московского университета. Серия «Политические науки». – 2001. – № 6.